

Л. П. Лобковская

О ПОНЯТИИ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ОМОНИМИИ (К ПРОБЛЕМЕ ТЕРМИНА «ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ ПЕРЕВОДЧИКА»)

В статье рассматривается проблема интерпретации категории межъязыковой омонимии, а также термин «ложные друзья переводчика», предлагаемый исследователями для наименования межъязыковых соответствий омонимичного характера.

Ключевые слова: лексическая семантика, внутриязыковая омонимия, межъязыковая омонимия, межъязыковая асимметрия, интерференция, лексические параллели, «ложные друзья переводчика», квазиинтернациональная (квазиэквивалентная) лексика.

К качеству перевода в настоящее время предъявляются самые высокие требования в связи с тем, что межкультурная коммуникация принимает глобальный масштаб в современном мире. Сегодня проблема корректного перевода волнует не только профессиональных переводчиков, преподавателей или студентов. Социально-бытовая коммуникация между носителями различных языковых культур становится нормой жизни. Понятие переводческой эквивалентности и способы ее достижения, поиск переводческих соответствий между единицами одного того же, а также разных уровней языка были и остаются одной из центральных проблем переводоведения.

Межъязыковые соответствия как важный компонент теории и практики перевода не могут не привлекать интерес лингвистов и просто пользователей языка, так как неточный выбор переводчиком соответствия в языке перевода может привести к эффекту, далекому, если не полярно противоположному тому, которого пытался достичь автор оригинала. Перевод методом замены либо опущения лексической единицы также может привести к изменению стилистической окраски и даже к потере исходной семантики высказывания. Это особенно справедливо для случаев омонимии.

Проблеме омонимии посвящено достаточно много научных трудов таких выдающихся лингвистов, как А. А. Реформатский, Р. А. Будагов, В. В. Виноградов, Д. Н. Шмелёв, Ш. Балли, Л. В. Малаховский и многие другие. Но, тем не менее, она не перестаёт быть интересной с точки зрения самых различных направлений лингвистики – семасиологии, прагматики, фразеологии и синтаксиса и т. д.

И хотя нельзя сказать, что вопрос омонимии недостаточно изучен, в филологии существует много различных точек зрения и взглядов

на данную проблему. Так, А. А. Реформатский отмечает: «Омонимы – это главным образом результат совпадений, и вряд ли правы те исследователи, которые утверждают, что образование омонимов – это обогащение словарного состава языка. Скорее, наоборот, омонимы во всех случаях – это досадное неразличение того, что должно различаться. Поэтому положительную роль омонимы играют только в каламбурах и анекдотах, где как раз нужна «игра слов», в прочих же случаях омонимы – только помеха пониманию. Количество омонимов тем больше, чем быстрее следуют в этом языке звуковые изменения и чем больше разнообразных заимствований» [18. С. 94].

Р. А. Будагов не соглашается с этой точкой зрения: «Омонимы – это настолько широко распространенное явление в лексике, что было бы неправильно считать их «большими словами» [3. С. 53]. И здесь же: «...омонимы могут мешать друг другу лишь в очень редких контекстах. Практически, однако, и в подобных случаях неудобство, вызываемое омонимами, оказывается временным, так как язык заблаговременно устраняет омонимы из тех сфер, где они неудобны. И, что особенно важно, омонимы глубоко проникают в общенародный язык, где, существуя, они никому не мешают» [3. С. 55]. С этой же точкой зрения соглашается и Л. В. Малаховский [13]. Он отмечает, что «... омонимия, стирая формальные различия между знаками с разным содержанием, не может не ухудшать кодовых свойств языка и не вызвать, тем самым, помех в процессе общения, но величина этих помех в разных языках различна». Далее ученый предполагает, что, вероятно, существует определенный порог насыщенности языка омонимами, выше которого общение становится затруднительным. «В индоевропейских языках, в частности в русском, и даже в

английском, где, как принято считать, количество омонимов особенно велико, этот порог далеко не достигнут, вследствие чего обнаружить помехи со стороны омонимии удастся лишь с помощью специальных психолингвистических исследований».

Термин «омонимы», произошедший от греческого «homonymous» достаточно полно отражает сочетание одной и той же формы с различным значением. В том же словаре иностранных слов находим: омонимы – «слова, имеющие одинаковое звучание, но различное значение» [22. С. 456]. Это наиболее распространённое определение омонимов.

Традиционно омонимия определяется как «звуковое совпадение двух или нескольких звуковых единиц, различных по значению» [21. С. 242].

Сравним определения, которые дают явлению омонимии и омонимам учёные-филологи. Часть из них дают определение омонимам именно с точки зрения их звукового совпадения. Д. Н. Шмелёв определяет омонимию как «звуковое совпадение разных языковых единиц, которые семантически не связаны друг с другом», а омонимы как слова «совпадающие по звучанию, одинаковые по своей форме, но значения которых никак не связаны друг с другом, то есть не содержат никаких общих семантических признаков», «отдельные, самостоятельные слова, слова-двойники» [27. С. 77–78]; В. В. Виноградов определяет омонимию как совпадение разных слов или разных форм по своему внешнему звуковому облику [7. С. 13].

Следовательно, в основном наметились два взгляда на омонимию. Согласно первому, омонимиями признаются только такие одинаково звучащие слова, которые исконно были разными по форме и лишь в процессе исторического развития совпали друг с другом в едином звучании вследствие различных фонетических, и, в общем, случайных причин. Все остальные случаи, когда у слов с одинаковой материальной, звуковой оболочкой появлялось различное содержание, признаются явлением многозначности, полисемии слова.

Согласно второму взгляду, к омонимам относятся как слова исторически разные, но в силу исторических причин совпавшие по звучанию, так и те случаи, когда различные значения многозначного слова расходятся настолько, что материальная оболочка, связывавшая их, как бы разрывается, давая жизнь двум (или большему количеству) новым словам.

Как видно, практически все эти определения схожи. В целом, все они сводятся к емкому, но в то же время краткому определению, данному Ш. Балли: «Омонимами называются два знака, имеющие тождественные означающие и различные означаемые» [2. С. 189]. Л. В. Малаховский определяет омонимы как «слова одного и того же языка в один и тот же период его существования, тождественные друг другу хотя бы в одном из компонентов плана выражения, то есть совпадающие по звучанию и по написанию во всех или некоторых грамматических формах (и во всех или некоторых фонетических и графических вариантах) и при этом различающиеся хотя бы по одному из компонентов плана содержания – лексической и грамматической семантике» [13. С. 56]. Под различием лексической семантики Л. В. Малаховский понимает отсутствие деривационной связи между означаемыми, то есть такое положение, при котором ни одно из значений одного слова не находится в отношениях семантической производности ни с одним из значений другого, а под различием грамматической семантики – различие общелексемных грамматических признаков (применительно к современному английскому языку – различие значений части речи).

Можно выделить четыре основные причины возникновения лексических омонимов.

1) Распад полисемии, когда внутренняя связь между значениями утрачивается и они начинают восприниматься как омонимы. Таким путем появились, например, омонимы *брань* 'ругань' и 'битва', *лихой* 'злой, тяжкий' и 'удалой', нем. *Zug* 'тяга' и 'поезд'.

Расхождение значений многозначного слова происходит постепенно, поэтому в ряде случаев существуют различные точки зрения по поводу того, считать ли разные значения независимыми словами-омонимами или объединять их в составе одного многозначного слова. Эти различия отражены и в словарях. Так, в словаре С. И. Ожегова находим следующие омонимы: *лист* (дерева) и *лист* 'тонкий пласт', *долг* 'обязанность' и *долг* 'взятое займы', *лад* 'согласие' и *лад* 'строй музыкального произведения' [23]; в словаре Д. Н. Ушакова слова *лист*, *долг* и *лад* являются многозначными и на омонимы не распадаются [25].

2) Заимствованное слово совпадает с исконным или совпадают два заимствованных слова. Слово *брак* 'дефект изделия' заимствовано из немецкого языка через польский, в русском

языке оно совпало со словом старославянского происхождения *брак* 'супружество' (от глагола *братъ*); скандинавское *скат* 'хищная морская рыба' совпало с исконно русским *скат* 'спуск'. Слово *патрон* 'пуля с зарядом' немецкого происхождения совпало со словом *патрон* 'глава, хозяин' латинского происхождения.

3) Фонетические изменения в языке, которые могут привести к совпадению первоначально различавшихся по звучанию слов. Так, слова 'растение' и 'орудие стрельбы' совпали в современном *лук*.

4) Образование слов от одной и той же основы с помощью омонимичных словообразовательных аффиксов. Примеры: *болгарка* 'жительница Болгарии' и 'углошлифовальная машинка' (появление термина 'болгарка' связано с тем, что первые модели этого инструмента, получившие распространенность у нас в стране, были выпущены в Болгарии) разг., проф.; *голландка* 'жительница Голландии' и 'печь' разг.; *ветрянка* 'ветряная оспа' разг. и 'мельница' прост.; *свинка* 'животное' разг. и 'эпидемический паротит' разг.; *дождевик* 'плащ' разг. и 'гриб'; *пожарище* 'место после пожара' и 'большой пожар' разг.; *настроить* 'построить' и 'отрегулировать'.

Одним из первых в отечественном языкознании, кто высказал мысль о закономерности омонимов, был Л. А. Булаховский, который писал, что «омонимы – такие же законные дети языкового творчества, как и все остальные» [6. С. 48]. Гораздо позднее Ю. С. Маслов, исследуя проблему подачи омонимов в словарях, отметит, что «именно в широком распространении омонимии и состоит одно из важнейших отличий всякого естественного языка, складывающегося стихийно на протяжении веков и тысячелетий, от искусственных "семантических систем", созданных по произволу человека» [15. С. 202].

Закономерным явлением считает появление омонимов в результате фонетических и / или семантических изменений и Л. В. Малаховский [13. С. 12]. Данное суждение, на наш взгляд, не должно вызывать возражений, так как языковые процессы, действительно происходят стихийно, независимо от воли определенных носителей языка.

Известно, что семантические изменения в языке еще более многочисленны и разнообразны, чем фонетические. В одних случаях в процессе развития языка наблюдается обогащение, усложнение семной структуры слова, а

в других – устранение каких-либо сем. Новые значения могут возникать на основе исходного значения, либо развиваться последовательно одно из другого. Обычно в истории семантического развития того или иного слова сочетаются оба процесса.

В то же время возможны и исчезновения отдельных значений. При этом устранению могут подвергаться как исходные значения слов, так и производные. Следствием выпадения какого-либо звена в семантической структуре слова становится разрыв смысловой связи между другими лексико-семантическими вариантами и возникновение слов-омонимов.

Конечно, изменения в значении слов определяются не одной, а множеством различных причин – как языкового, так и внеязыкового характера. И этот своеобразный «плюрализм причин» семантического развития слов должен быть осмыслен в определенных условиях как «плюрализм закономерный» [4].

Все вышеизложенное еще раз подтверждает тезис о том, что благодаря неизбежности языковых изменений, с одной стороны, и случайному характеру многих их результатов – с другой, появление омонимов в языке оказывается (с точки зрения социально-коммуникативной) всегда закономерным: слова, пусть и совпадающие в плане выражения, могут быть необходимыми для общения, для коммуникации. Заимствованное слово, оказавшееся омонимичным по отношению к некоему исконному слову либо иному заимствованному (в более ранний период или из другого языка) становится «равнозвучным» словом-омонимом не случайно: как правило, заимствование подчиняется формам заимствующего языка, а отсюда – его фонетическим законам. Именно ассимиляция уподобляет заимствованное слово исконному.

Таким образом, появление нового слова-омонима из сферы чужого языка (либо иного диалекта, говора) является, с точки зрения социальной, – коммуникативной необходимостью. Что же касается звучания заимствуемого слова, то это звучание лишь случайно может совпасть с «однозвучным» словом родного языка. Совпасть, как правило, в одной какой-либо форме (словоформе). И совпадение это обусловлено, в свою очередь, действием фонетических законов, а не законов семантических.

Выше говорилось об омонимии внутриязыковой, но и слова двух различных языков, имеющие тождественный либо сходный внешний (звуковой и/или графический) облик, но разное

значение, с давних пор привлекали внимание лингвистов. Такие слова часто приводят к недоразумениям. Видя «знакомое» слово в иностранном тексте или слыша его в речи, неопытный переводчик может придать ему «родное» значение. Особенно коварными являются такие слова в родственных языках. Даже имея общее происхождение, слова в разных языках могут существенно разойтись по значению. Например, польское слово *uroda* означает 'красота', болгарское *гора* – 'лес', а сербскохорватское *позориште* – 'театр'. (Казалось бы, прямо противоположные значения, однако при внимательном взгляде в каждом случае обнаруживается общий смысловой компонент). Иногда сдвиг значения исторически родственных слов не доходит до противоположного (тем легче переводчику сделать ошибку): сербскохорватское слово значит 'буква', *олово* – 'свинец', а *грах* – не 'горох', что естественно было бы предположить, а 'фасоль'; болгарское *стол* – 'стул'. А на сербскохорватский русское *стул* переводится как *столица* (что естественно: *столица* – это маленький *стол*). Сербскохорватское *беженец* – не 'беженец', а 'холостяк', т. е. человек без жены (здесь по фонетическим законам сербскохорватского языка произошло уподобление звука [з] звуку [ж], а удвоенных согласных в этом языке нет). Белорусское *люстра* значит 'зеркало', а *трус* – 'кролик', украинское *дурно* – 'даром' и т. п.

А. А. Реформатский, приводя пример сходных по внешней форме слов, но имеющих разные значения (болгарское слово *стол*, означающее *стул*, чешское *čerstvý chléb*, означающее *свежий хлеб*) предупреждал: «При сопоставлении языков не надо искать сходства. Оно, как правило, провокационно» [19. С. 47].

Так, персидское (фарси) *кефир* соответствует русскому *неверный*; турецкое слово *kulak* по-русски значит *ухо*; турецкое *bardak* по-русски значит *стакан*. Есть также исторические свидетельства об анекдотичных случаях межъязыковой омонимии: в России 18 века слуга, подавая жене французского посла после приёма её салоп, произнёс, желая угодить, «Ваш салоп», за что тут же получил пощёчину и оказался виновным в оскорблении дамы. Всё дело в том, что эта фраза по-французски означает «грязная корова». Слуга французского не знал... Скандал замяли.

Если на чешском вокзале вы услышите по радио перед информацией призыв «Позор! Позор!», то он вовсе не означает, что кого-то

стыдят или клеймят. «Позор!» значит «Внимание!». Чех или словак могут сказать женщине, что от нее приятно «воняет», желая не обидеть, а оценить тонкий аромат духов. Испанскому или французскому «профессору» будет, конечно, приятно, если вы его посчитаете большим научным деятелем, хотя на самом деле он всего лишь преподаватель средней школы. А в Латинской Америке школьный «маэстро» вовсе не учитель музыки, а преподаватель младших классов.

Межъязыковая омонимия (в широком понимании) охватывает все то, что в рамках одноязыковых языковых уровней формально идентично, а семантически различно в контактирующих языках. Однако, по признанию многих исследователей, основная (и важнейшая) часть межъязыковой омонимии отмечается на лексическом уровне – в категории межъязыковых лексических омонимов [24; 4 и мн. др.].

Возможны два способа объяснения причин появления межъязыковых омонимов: *случайные* совпадения звучаний в языках, практически не контактирующих, и совпадения *неслучайные*, обусловленные последующими изменениями в семантике генетически родственных однокорневых слов.

Конечно, интерференция – это не единственная причина смысловой смены и дифференциации семантической структуры слова. Язык в своем развитии чутко реагирует на мельчайшие изменения, которые происходят при познании человеком материального и духовного мира, и сразу фиксирует их в словарном составе. А так как эти смены тесно связаны с процессом человеческого мышления, в котором важную роль играют анализ и синтез, а также разнообразные ассоциации, то в разных языках возникают неодинаковые связи и отношения в членении семантического континуума. Иначе и быть не может, так как невозможно, чтобы те или иные ассоциации, возникающие у людей в различных местах и языках (даже близкородственных), были бы абсолютно одинаковыми. Поэтому проблема *неравномерности* семантического развития этимологически тождественных слов, их омонимичное противопоставление в разных языках принадлежит к интереснейшим областям сравнительной семасиологии.

Причиной возникновения межъязыковых омонимов является, по мнению Н. К. Гарбовского, «денотативная межъязыковая асимметрия, вызванная тем, что разные языки в те или иные исторические периоды называли аналогичными по внешней форме лексемами,

восходящими к одной и той же лексеме классического языка, разные денотаты. Денотативная межъязыковая асимметрия отмечается иногда и при непосредственном заимствовании какой-либо лексемы. В процессе взаимодействия двух языков может происходить перенос значения заимствованного слова на другой предмет, то есть денотативная транспозиция» [8. С. 339–341].

Если возможность относительного формального тождества межъязыковых омонимов признается большинством ученых, то степень семантического расхождения определяется различно.

Межъязыковые омонимы, по мнению В. В. Акуленко, должны быть сходны «до степени отождествления по звуковой и / или графической форме» и иметь разное значение [1. С. 380]. Межъязыковая омонимия может возникать непосредственно в ходе соприкосновения и сопоставления языков (например, англ. *mark* – русск. *марка* или англ. *family* – русск. *фамилия*, полностью омонимичные в современном употреблении); нередко в межъязыковые омонимические отношения вовлекаются и внутриязыковые омонимы: так, если англ. *crab I* «краб» и русск. *краб* являются межъязыковыми относительными синонимами сходного вида, то англ. *crab II* «дикая яблоня» и *crab III* «уклон, крен» омонимичны по отношению к первому английскому слову, а отсюда и к его русскому аналогу.

Нами принимается такое определение: *межъязыковые омонимы* – это слова двух (или более) контактирующих языков, совпадающие по звуковой или графической форме и различающиеся (в разной степени) по значению.

Особняком стоят омонимичные слова разного происхождения, совпавшие в результате фонетического сближения. Придерживается данной точки зрения и В. Н. Манакин, определяя межъязыковые омонимы как «слова генетически родственные или заимствованные (интернационализмы), близкие или совпадающие по форме, но не связанные друг с другом по значению» [14. С. 171]. При таком подходе из числа межъязыковых омонимов исключаются слова двух языков, обладающих хотя бы одним общим компонентом. Данная позиция объясняется тем, что исследователи при анализе межъязыковых омонимов опираются на определение внутриязыковых омонимов как одинаково звучащих слов, у которых нет общих семантических признаков.

Н. К. Гарбовский считает, что «полное несовпадение плана содержания, т. е. отсутствие общих элементов смысла встречается в *случайных межъязыковых омонимах*, не имеющих этимологических связей. Так, английское слово *crane*, соответствующее по значению русскому *кран*, заимствованному из немецкого и обозначающему подъемное устройство, не соответствует французскому *crâne*, обозначающему череп; английское слово *crab* обозначает не краба, а *лобковую вошь* и *созвездие Рака* в отличие от французского слова *crabe*, совпадающего по основному значению с русским словом *краб*. Русское слово *крик* случайно совпадает по форме с французским словом *cric*, обозначающим *дамкрат*» [8. С. 337].

Межъязыковая асимметрия плана содержания множества лексем не абсолютна и может иметь несколько степеней, за которыми стоят различные типы отношений семантического и стилистического несоответствия.

Обычно в этимологически тождественных словах различных языков развивается неодинаковое количество значений, так как «слово, возникающее из одного источника, но попадающее в разные языки, часто сохраняет общие контуры смыслового движения во всех или многих из этих языков», но вместе с тем «семантические изменения одного и того же слова в разных языках могут быть неравномерными» [3. С. 226].

При этом как особая разновидность межъязыковых омонимичных пар выделяются лексемы двух (или более) языков, совпадающие в значениях, но различающиеся их оттенками [17. С. 437–438; 20. С. 6]. Иными словами, для сопоставления смыслов важны и коннотативные элементы значения. При разности коннотатов невозможна замена одного слова другим. Например, стилистическое несоответствие между лексемами русского и французского языков проявляется в таких парах слов, как *альянс* – *alliance*, *дефилировать* – *défiler*, *пакт* – *pacte*. Нейтральные во французском, эти слова носят книжный, а нередко и негативный оттенок в русском языке. Слово *bataille* во французском языке является военным термином и относится к книжной лексике, имеющей нейтральную окраску. Русское *баталия*, устаревшее в терминологическом значении и вытесненное из русской терминологической системы словом *сражение*, имеет ироническую окраску в разговорной речи. Говоря о стилистической межъязы-

ковой асимметрии, необходимо остановиться на вопросе оценочной коннотации. Так, в приведенных выше парах стилистически асимметричных лексем слово *alliance*, нейтральное во французском, противопоставляется русскому *альянс*, которое употребляется, главным образом, для обозначения денотатов, вызывающих осуждение, неодобрение [8. С. 343].

Таким образом, учет коннотативных и функционально-стилистических компонентов весьма важен и в связи с исследованием национальной специфики слов, и с точки зрения перевода, поскольку они вносят дополнительные смыслы по отношению к денотации.

Данная точка зрения впервые была высказана А. Е. Супруном. А. Е. Супрун, анализируя типы лексических омонимов на славянском языковом материале, отмечает, что наряду с лексическими омонимами, являющимися фактом одной языковой системы, существуют *межъязыковые* омонимы. Ученый допускает, что в случаях межъязыковой омонимии различия в значениях слов могут быть *полными* или *частичными* (межъязыковые омонимы могут сохранять общее основное значение при различных оттенках в сопоставляемых словах). По мнению исследователя, различие может касаться только эмоционально-экспрессивной или функционально-стилистической окраски слов. В плане выражения межъязыковые омонимы также могут совпадать полностью или иметь некоторые различия. Причиной появления подобных межъязыковых соответствий может быть разное развитие первоначально общего значения, параллельные новообразования, либо различное осмысление заимствованных слов [24. С. 36–38].

Межъязыковые омонимы с давних пор привлекали внимание лингвистов. Еще в 1788 году в Зальцбурге вышел лексикографический очерк А. Портитора, касающийся межъязыковых лексических соответствий омонимичного характера во французском и немецком языках. С различной степенью полноты данная категория слов исследовалась и позднее, в XIX веке, такими европейскими учеными, как Ш. Биго (1845), Л. Гранжье (1864), Г. Дюбре (1894) и другими.

По-настоящему системное и широкое изучение подобных межъязыковых соответствий началось с 1928 года, с работы М. Кесслера и Ж. Дерокиньи на материале французско-английских и англо-французских параллелей.

Ими же был введен термин – «*faux amis du traducteur*» («ложные друзья переводчика») – ныне стандартный, общеупотребительный (существуют немецкий и английский варианты кальки с французского языка: *falsche Freunde des Übersetzers* и *false friends of interpreters*) и выделены два типа «ложных друзей переводчика»: 1) «*полностью* ложные» со сходной орфографией и расходящейся семантикой и 2) «*частично* ложные» со сходной орфографией и в основном с общей семантикой [28]. Это последнее замечание об общности семантики принципиально значимо для нашего последующего анализа.

Составной термин «ложные друзья переводчика» используют в своих работах, преимущественно связанных с проблемами перевода, многие лингвисты. В конце 60-х–начале 70-х годов были проведены фундаментальные исследования данной категории слов. Прежде всего, следует отметить работы В. В. Акуленко, К. Г. М. Готлиба, В. Л. Муравьева, В. В. Келтуяла. Ими развиты как основные теоретические положения, касающиеся этой категории слов, так и составлены словари и пособия «ложных друзей переводчика» [1; 17; 16].

По определению М. Кесслера и Ж. Дерокиньи, «ложные друзья переводчика» – это «слова, идентичные по внешнему оформлению в двух или нескольких языках, но имеющие разное значение» [28. С. 13]. По мнению А. В. Фёдорова, ложный эквивалент – это «слово, полностью или частично совпадающее (или близкое к нему) по звуковой или графической форме с иноязычным словом при наличии полной этимологической общности между ними, но имеющее другие значения при известной смысловой близости (отнесенности к одной сфере применения)» [26. С. 191].

Однако в определениях М. Кесслера, Ж. Дерокиньи и А. В. Фёдорова не учитываются различия в таких компонентах значения и дифференциальных признаках, как стилистическая окраска, употребительность лексики в исторической перспективе (современная лексика – устаревающая – устаревшая лексика) и сочетаемость слов. Тот фактор, что в процессе развития языка лексические единицы могут претерпевать как семантические, так и стилистические изменения, причём в каждом языке по-своему, всегда необходимо учитывать, так как в противном случае можно допустить смысловые искажения или стилистические неточности при переводе. Именно поэтому меж-

двуязычные эквиваленты, как уже указывалось ранее, с полным правом называют «коварными ловушками» для переводчика [8; 12].

В интерпретации К. Г. М. Готлиба «ложные друзья переводчика» получили более широкое определение – «это слова двух языков, которые из-за сходства их звукового или буквенного состава вызывают ложные ассоциации и приводят к ошибочному восприятию информации на иностранном языке, а при переводе – к более или менее существенным искажениям содержания или неточностям в передаче стилистической окраски, к ошибкам в лексической сочетаемости, а также в словоупотреблении» [17. С. 439].

В настоящее время термин «ложные друзья переводчика» в основном используется тогда, когда авторы касаются проблем теории и практики перевода. Однако он не удовлетворяет некоторых авторов, проводящих фундаментальные лингвистические исследования данной категории слов. Так, по мнению К. Г. М. Готлиба, слова двух языков, сходные по звучанию, но различные по значению, можно рассматривать в двух аспектах: лингвистическом и переводческом. Учёный считает, что «если исходить из теории и практики перевода, то наиболее удачным является термин «ложные друзья переводчика», а если рассматривать вопрос с лингвистической точки зрения, более подходящим представляется термин «междуязычная аналогия» для обозначения данного явления, а для обозначения слов со сходным внешним оформлением (звуковым или графическим), но разными значениями» – «междуязычные аналогизмы» [17. С. 439].

Однако, по мнению Н. К. Гарбовского, «термины «аналогия» и «аналогизм» не раскрывают сути данного языкового явления, более того, затушевывают её, так как на первый план выдвигается аналогия форм, а асимметрия содержания, представляющая собой главную трудность для переводчика, остаётся скрытой» [8. С. 329].

Для наименования подобных лексем некоторые лингвисты также используют термин «относительные межъязыковые омонимы» [20. С. 6; 10. С. 22]. Отмечая некоторую условность термина «межъязыковые относительные омонимы», возникающую в результате неполного совпадения форм, исследователи выдвигают следующие критерии предпочтения данного определения: 1) слова совпадают по форме (существующие различия сводятся к зако-

номерным соответствиям); 2) это разные языковые единицы по признаку принадлежности к двум системам; 3) они могут быть источником интерференции, то есть источником появления ошибок в устной речи билингва и в практике перевода. Н. К. Гарбовский также считает, что термин «межъязыковая омонимия» представляется предпочтительным, «так как в нем делается акцент и на сходство форм, и на различие содержания» [8. С. 329].

Принято считать, что понятие «ложных друзей переводчика» значительно шире, чем «межъязыковые омонимы»: оно включает в свой состав все лексические единицы, которые могут вызвать неправильные ассоциации – межъязыковые омонимы, межъязыковые синонимы, межъязыковые паронимы, этимологические дублеты и др. Таково мнение ряда исследователей [1; 11].

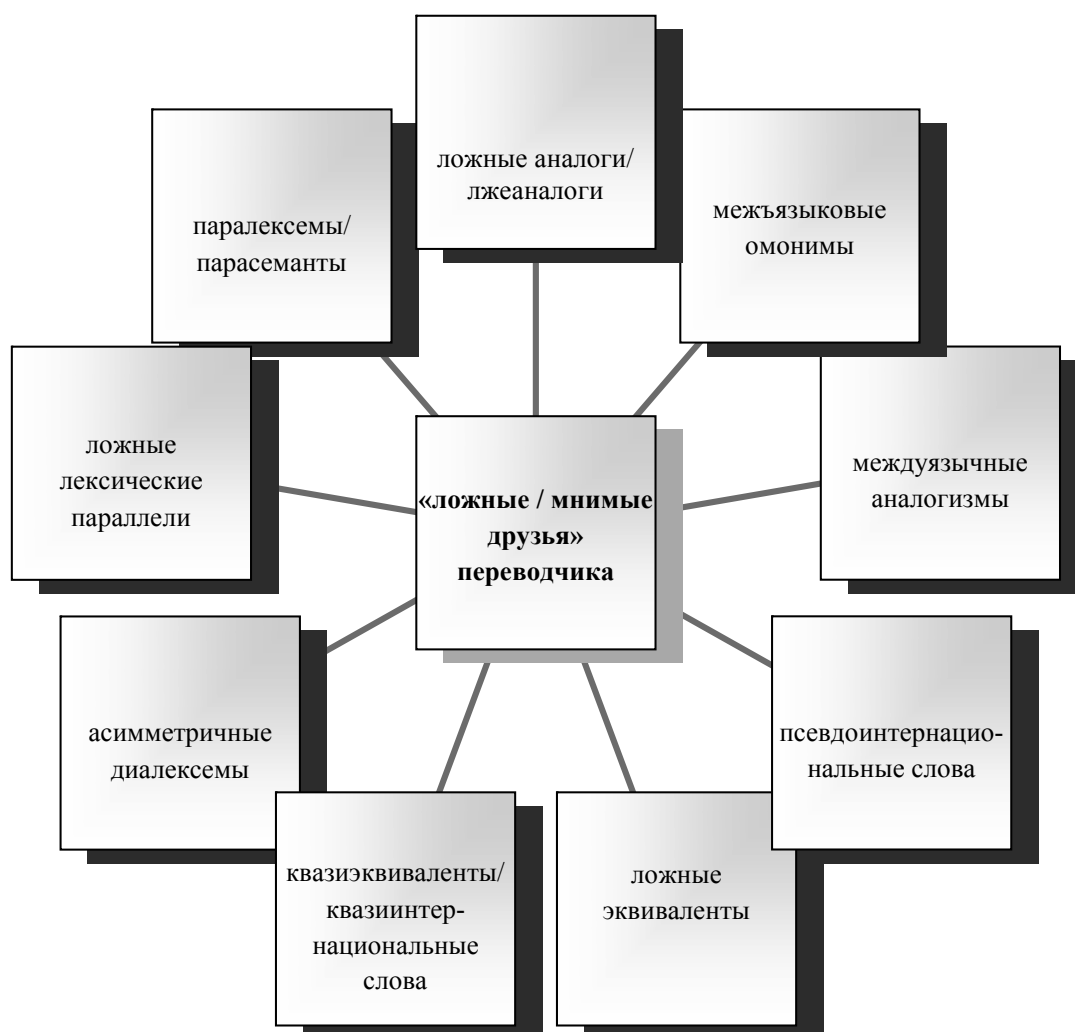
Однако некоторые лингвисты употребляют оба термина, не разграничивая их семантически. Так, Р. А. Будагов, назвав свою статью «Ложные друзья переводчика» в соответствии с названиями словарей, данные которых анализирует, в то же время отмечает: «Ложными друзьями переводчика» обычно именуется межъязыковые омонимы – слова, имеющие при одинаковом звучании разные значения» [5. С. 141].

Другие же исследователи считают, что называть межъязыковые омонимы термином «ложные друзья переводчика», состоящим из метафорической перифразы, было бы неверно: такое наименование не отражает фундаментальной симметрично-асимметричной стороны явления, так как омонимия – это проявление симметрии формы при асимметрии содержания. Безусловно, трудно найти термин, который бы охватил одновременно явление межъязыковой омонимии разных видов (омографы, омофоны, омоформы), стилистические и другие расхождения. В. В. Дубичинский, во избежание разночтений и неточностей, рекомендует лингвистам и переводчикам объединить известные термины «*интернациональная лексика*», «*ложные друзья переводчика*», «*межъязыковые омонимы*» и другие в одну терминологическую систему. «Лексемы, совпадающие в плане выражения и сходные – несходные в плане содержания», он предлагает назвать обобщающим термином «*лексические параллели*» [9. С. 71].

Заметим также, что перечисленные термины не исчерпывают полного их списка. Некоторые лингвисты предлагают квалифици-

ровать межъязыковые соответствия, совпадающие в плане выражения и различные в разной степени в плане содержания следующим образом: *ложные аналоги* (А. Д. Швейцер), *лжеаналоги* (Л. К. Латышев), *межъязыковые омонимы* (А. А. Реформатский, А. Е. Супрун, И. С. Ровдо, Н. В. Заславская, М. П. Кочерган и др.), *междоязычные (межъязыковые) аналогизмы* (К. Г. М. Готлиб), *ложные эквиваленты* (А. В. Фёдоров), *псевдоинтернационализмы / псевдоинтернациональные слова* (Я. И. Рецкер), *квазиэквиваленты / квазиинтернациональные слова* (Л. И. Сидорова, В. И. Тхорик), *асимметричные диалексемы* (Н. К. Гарбовский), *ложные лексические параллели* (В. В. Дубичинский), *мнимые друзья переводчика* (А. И. Пахотин); в английском – *deceptive cognates, misleading words (of foreign origin)*, в немецком – *irreführende Fremdwörter*.

Термины, выражающие понятие «ложные друзья переводчика», представлены на схеме:

Признавая некоторую условность термина *квазиинтернациональная (квазиэквивалентная) лексика*, всё же считаем возможным его использование для наименования межъязыковых соответствий, совпадающих в плане выражения и различных, в разной степени, в плане содержания, поскольку в нём хорошо показана и аналогия форм (связь с интернациональной лексикой), и асимметрия содержания (компонент квази- означает «мнимый», «ненастоящий», «почти», «близко»).

Множество терминов, предлагаемых исследователями для наименования межъязыковых соответствий омонимичного характера, свидетельствуют о сложности данного явления, о необходимости использования таких лингвистических методов, которые позволили бы избежать неоднозначности в интерпретации категории межъязыковой омонимии.

Список литературы

1. Акуленко, В. В. Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика». М. : Совет. энцикл., 1969. 384 с.
2. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М. : Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.
3. Будагов, Р. А. Введение в науку о языке. М. : Просвещение, 1965. 490 с.
4. Будагов, Р. А. Ложные друзья переводчика // Человек и его язык. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1976. С. 268–272.
5. Будагов, Р. А. Человек и его язык. М. : Изд-во МГУ, 1974. 262 с.
6. Булаховский, Л. А. Из жизни омонимов // Русская речь. Т. 3. М., 1928. С. 47–60.
7. Виноградов, В. В. О грамматической омонимии в современном русском языке // Виноградов, В. В. Исследования по русской грамматике : избр. тр. М. : Наука, 1975. С. 13–32.
8. Гарбовский, Н. К. Теория перевода. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
9. Дубичинский, В. В. Русско-английские лексические параллели : метод. рекомендации. Харьков, 1993. 44 с.
10. Заславская, Н. В. Семантико-стилистическая и функциональная характеристика межъязыковых омонимов в русском и украинском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1985. 22 с.
11. Кочерган, М. П. Лексическая сочетаемость и значение слова (на материале украинского и других восточно-славянских языков) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1983. 47 с.
12. Латышев, Л. К. Технология перевода : учеб. пособие по подготовке переводчиков (с нем. языком). М. : НВИ–Тезаурус, 2000. 280 с.
13. Малаховский, Л. В. Теория лексической и грамматической омонимии. Л. : Наука, 1990. 240 с.
14. Манакин, В. Н. Основы контрастивной лексикологии: близкородственные и родственные языки. Киев ; Кировоград : Гос. центр. укр. изд-во, 1994. 260 с.
15. Маслов, Ю. С. Омонимы в словарях и омонимия в языке (к постановке вопроса) // Вопросы теории и истории языка : сб. в честь проф. Б. А. Ларина / отв. ред. Ю. С. Маслов. Л. : Изд-во ЛГУ, 1963. С. 198–202.
16. Муравьев, В. Л. Faux amis, или «Ложные друзья переводчика». М. : Просвещение, 1969. 48 с.
17. Немецко-русский и русско-немецкий словарь «ложных друзей переводчика» / сост. К. Г. М. Готлиб. М. : Сов. энцикл., 1972. 448 с.
18. Реформатский, А. А. Введение в языковедение / под ред. В. А. Виноградова. М. : Аспект Пресс, 2000. 536 с.
19. Реформатский, А. А. О сопоставительном методе // Лингвистика и поэтика. М. : Наука, 1987. С. 40–52.
20. Ровдо, И. С. Межъязыковая омонимия в условиях русско-белорусского и белорусско-русского билингвизма : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1980. 19 с.
21. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. М. : Просвещение, 1976. 543 с.
22. Словарь иностранных слов. М. : Изд-во иностр. и нац. слов., 1949. 804 с.
23. Словарь русского языка / под ред. С. И. Ожегова. М. : Рус. яз., 1987. 750 с.
24. Супрун, А. Е. Лексическая типология славянских языков. Минск : Изд-во БГУ, 1983. 47 с.
25. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.
26. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода. СПб. : Филол. фак-т СПбГУ ; М. : ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. 416 с.
27. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М. : Наука, 1973. 280 с.
28. Koessler, M. Les faux amis ou les trahisons du vocabulaire anglais (conseils aux traducteurs) / M. Koessler, J. Derocquigny. P. : Librairie Vuibert, 1928. 387 p.